
Атрэи Блэквуд
Урожай округа Редфилд

Атрэй Блэквуд
Башня гоблинов

https://litres.ru/74731528
SelfPub; 2026

Аннотация

«Башня гоблинов» — комедийно-фэнтезийный хоррор, где всё начинается с идеальной подготовки к Рождеству: в торговом центре «Нортгейт Молл» в маленьком городке штата Орегон вот-вот стартует грандиозный концерт, а на крыше установлен сверхмощный звуковой монстр «Пилар», призванный затмить конкурентов. Но за тридцать метров под зданием простираются пещеры, куда когда-то, ещё в девяносто восьмом, планировщики махнули рукой — и теперь тридцатигерцовый бас сквозь бетон и известняк будит тех, чьи глаза тысячи лет не видели света. В канун Рождества тысячи разъярённых гоблинов поднимаются наверх, запертый изнутри торговый центр превращается в осаждённую крепость, а судьба двух тысяч покупателей оказывается в руках самых неожиданных героев. Весёлый, добрый и громкий — в прямом смысле — роман про то, что случается, когда человеческая жадность к «громче, чем у соседа» встречается с обитателями, которых «не обнаружили» лишь потому, что не смотрели.

Атрэй Блэквуд
Башня гоблинов

Глава первая. КАНУН

Если бы Джерри Палмер знал, что одна кружка остывшего кофе изменит судьбу двух тысяч человек, он бы всё равно налил её себе. Потому что кофе в его жизни был единственным событием, происходившим по расписанию, а график — единственное, что он уважал в этой жизни.

Ему был пятьдесят один год, и он охранял торговые центры двадцать три года — из них последние двенадцать стоял в «Нортгейт Молле» в городке Сидар-Фоллс, штат Орегон. За плечами у Палмера была армия, развод, ипотека и уверенность человека, который знает: ничто никогда не происходит. Ничего — вот что случается в торговых центрах. Кража помады из «Макияжного рая». Подростки, катающиеся на перилах эскалатора, старушки, забывающие на скамейках очки, зонты и, иногда, мужей. Ничего ужасного, и Джерри это вполне устраивало. Драма в его биографии была отработана заранее, в виде маленькой надписи на бейдже, которую коллеги подарили ему на сорокалетие: «ЛУЧШИЙ ОХРАННЫК В МИРЕ». Опечатку — они сделали специально впоследствии она стала легендой смены. Джерри носил её с достоинством рыцаря, у которого девиз выгравирован с ошибкой.

Утро кануна Рождества началось как всегда: Джерри поставил чайник, заварил кофе, налил его в красную кружку с надписью «БОСС», и встал к посту охраны на первом этаже. Перед ним висела стена из двадцати четырёх камер. Двадцать четыре картинки мирной рутины: парковка заполнялась, эскалаторы ехали, Дед Мороз у центрального фонтана поправлял бороду. Джерри об этом ещё думал о «Пиларе». Весь город последние дни думал только о ней.

Официально она называлась «Пилар-11» — творение немецкой фирмы «Клангвёрт». Неофициально её звали поразному. Таксисты звали её «гроб». Дети звали её «роботом». Дирекция звала её «инвестицией». И всё это были правильные названия, потому что «Пилар» была всем этим сразу: четырёхметровый чёрный монолит в кожухе из нержавеющей стали, поднятый на крышу «Нортгейта» три недели назад краном, за который заплатили столько, что директор три дня не мог уснуть.

Директора звали Роджер Хиггинс, и он был человеком одной большой идеи, которая пришла ему в голову на выставке электроники в Портленде. Идея была такая: соседний округ строит новый торговый центр, у которого будет акустика мирового уровня, и тогда «Нортгейт» умрёт. Такого исхода Роджер не хотел. Чтобы как-то изменить ситуацию, он заказал у «Клангвёрт» колонку, которая, как было сказано в брошюре, «превращает любую площадь в храм звука». Двадцать тысяч ватт мощности. Диапазон от двадцати герц.

Роджер не знал, что значит «от двадцати герц», но понял, что это больше, чем у соседа, и подписал контракт.

Проблема началась, когда маркетологи задумали «Концерт». Логика была железная: канун Рождества, толпы покупателей, на крыше — «Пилар», басы, которого слышны на трёх улицах, в «Нортгейте» — распродажа. Никто из авторов этой цепочки не спросил ни геодезистов, ни сейсмологов, ни кого-либо ещё, кто мог бы задать вопрос, который взрослому человеку задавать не принято: а что слышно ещё глубже?

Правда состояла в том, что под «Нортгейт Моллом» на глубине тридцати метров лежала система пещер, о которой знали трое: инженер из «Каскад Билдинг», который её нашёл, бухгалтер, который посчитал бетонирование, и человек из статистического управления графства, который вернул проект с резолюцией «Пустоты естественного происхождения. Обитателей не обнаружено». Бетонировать стоило сто сорок тысяч долларов. Люк стоил двести. Выбор был сделан между третьим и пятым декабря тысяча девятьсот девяносто восьмого года за четыре минуты, из которых две минуты ушли на кофе.

Людям свойственно писать в протоколах «обитателей не обнаружено», когда они не смотрели. Обитатели были. Они спали много лет. Первый раз их разбудили в двадцатых годах, когда под городом прокладывали туннель старой железной дороги и угольный состав прогудел так, что известняк завыл. Тогда они проснулись, поразмыслили, решили, что

мир снова рушится, сделали запасы — и заснули обратно, вжавшись в скалы. Второй раз их коснулась электрификация тридцать восьмого года: токи в земле, гул трансформаторов, дрожь в глубине. Снова сон. Человечество в целом было для них громким соседом: оно шумело поколениями, но недостаточно настойчиво. Над их потолком жили люди, и они шумели. Поверхностно и мелко, на частотах, которые гасли, не долетая.

А теперь на крыше стояла машина в двадцать тысяч ватт, и её тридцатигерцовый бас шёл вниз сквозь фундамент, бетон, и глину, как нож сквозь масло.

В этот день, в пять сорок пять вечера, по внутреннему радио «Нортгейта» раздался голос, которым обычно объявляют распродажу носков:

— Уважаемые покупатели! Через пятнадцать минут — грандиозное событие! Торговый центр «Нортгейт Молл» представляет БАШНЮ ЗВУКА!

В ответ зал, набитый покупателями, одобрительно зашумел. Люди хотели праздника. Они его получат — но не тот, на который подписывались.

Дальше рассказ придётся вести по часам, потому что то, что заняло два часа, а разбирать пришлось четыре года.

В пять сорок семь, двадцатитрёхлетний диджей Сэм, с бородкой, в куртке со спонсорским логотипом «Клангвёрт», за которой скрывался человек, мечтающий о карьере в подкастах, встал у пульта на крыше и произнёс в микрофон:

— Проверка. Проверка-проверка. Тест баса. Один. Два.

Он нажал клавишу.

Первый удар пришёл снизу.

Джерри Палмер почувствовал его через подошвы ботинок. Что-то глубоко под зданием дрогнуло. Ему показалось, что струи фонтана на секунду сбились. Он не поверил себе: во-первых, он не спал, а во-вторых, всё равно ничто никогда не происходит.

— Что это было? — спросила Тина Рейес, продавщица из магазина посуды, подошедшая к посту с термосом. Тина была маленькой, шумной и умела чинить кофемашину лучше любого техника в штате. Двенадцать лет она продавала сковородки и задумывалась о том, чтобы уйти куда-то, где от человека требуют больше, чем улыбки и знания о антипригарном покрытии.

— Лифт, — сказал Джерри.

— У нас нет лифта в этом крыле.

— Значит, что-то другое.

На крыше «Пилар» выдохнула. Басы пошли вниз сквозь фундамент, геологические пласты, известняк, который лежал со времён, когда о «Нортгейте» не слышал никто, а слово «молл» относилось к овцам.

И тьма в пещерах начала открывать глаза. Сначала один, потом второй, затем — тысячи. Известняк зашумел. В глубине пещер кто-то не то проворчал, не то переспросил — и тысячи морд повернулись на звук.

У существ была простая логика: наверху стоит машина. Она шумит. Идём и заставим её замолчать.

У катка «Нортгейта» Кэролайн Хейворд вела за руку восьмилетнюю дочь Лили. Девочка держала стакан с какао, в котором дрожали зефирки.

— Земля рыкнула, — сказала Лили с восторгом. — Как динозавр в мультике.

— Земля не рыкает, милая. Это колонка.

— Колонка снизу?

Кэролайн посмотрела под ноги. Пол у катка был прозрачный — модная дизайнерская находка, под которым светилась подсветка и лежали декоративные камни, которые начали заметно дрожать. Женщина это заметила и даже успела подумать: «Мне не нравится эта подсветка», — и это было последнее спокойно обдуманная мысль за следующий час.

В пять пятьдесят восемь Джерри Палмер налил себе кофе. Прошло одиннадцать минут с начала теста, и бас уже стал фоном, к которому привыкаешь со временем. Он взял кружку и повернулся к клавиатуре на посту охраны, в которой сходились управление турникетами на главном входе, автоматические двери четырёх боковых выходов, шлагбаумы парковки, экраны навигации и, к несчастью, система пожарных роллет и протокол «Полная изоляция объекта».

В пять пятьдесят девять из вентиляционной решётки под потолком служебного коридора посыпалась известковая пыль.

Джерри этого не видел. Он смотрел на экран, где крутилась реклама.

Мэгги Стерн, фармацевт отдела «Здоровье и красота», бывший армейский медик, в этот момент советовала покупателю пластырь от мозолей и вдруг замолчала на середине слова, потому что за стеклом отдела, в тёмном проёме служебного коридора, что-то шевельнулось. Оно было маленькое, с ушами, как у летучей мыши. Она подумала: собака. В торговый центр нельзя с собакой. Потом это «нечто» подняло голову, и Мэгги увидела глаза — светящиеся, жёлтые, с осмысленной злобой, — и то, что она подумала дальше, профессиональным языком не излагается.

Дед Мороз Ник Брэдфорд в это время сидел на троне у фонтана и раздавал конфеты. Ему было сорок шесть лет, он был безработным актёром и девять сезонов подряд играл Санту в «Нортгейте» — единственная роль, на которую его принимали стабильно. За эти годы он усвоил, что маленькие дети боятся, средние смеются, большие хитрят, а родители фотографируют и забывают забрать ребёнка, пока не напомнишь. Ник поднял голову на новый удар баса — и по профессиональной привычке актёра, у которого по сценарию должен грянуть гром, посмотрел точно в потолок.

— Кто-то переборщил, — сказал он вслух.

А в «Электромире» — магазине техники на третьем этаже — Кайл Пембертон, семнадцать лет, продавец-консультант без четырёх месяцев совершеннолетия, демонстрировал по-

купателю наушники. Кайл знал акустику лучше, чем родную биографию: он грезил звукорежиссурой, собирал колонки из мусорных баков и наушники, которые держал в руках, в его глазах были святыми реликвиями по сравнению с тем, что сейчас стояло на крыше его торгового центра.

— Чувствуете, — сказал он покупателю, — как бас идёт? Это тридцать герц.

— А что там трясётся? — спросил покупатель и показал на пол.

И в шесть ноль ноль «Пилар» ударила в полную мощность.

Бас накрыл город. Стёкла в домах через улицу дрогнули. Собаки в трёх кварталах завыли, и пол под ногами содрогнулся по-настоящему.

И тогда по всему торговому центру — из вентиляций, из дренажных люков, из-за декоративных валунов у фонтана, из подвала «Электромира» — полезло то, что в протоколе девяносто восьмого года значилось словом «не обнаружено».

Первого гоблина увидел ребёнок у игрушечного магазина. Ребёнок засмеялся и хлопнул в ладоши, потому что существо было ростом с детский стульчик, зелёное, с глазами-фонариками и с улыбкой, в которой было три ряда зубов.

Однако этот взгляд выражал лишь ярость существа, пробужденного ото сна басами.

— Мама, смотри, гремлин!

Мать не обращала внимания. Сейчас ее больше интересовала витрина с сумками. Это сохранило ей жизнь.

Джерри Палмер услышал первый крик в шесть ноль одну. Он поставил кружку с кофе рядом с клавиатурой.

Позже комиссия установит: кружка стояла у клавиши пробела чуть под углом, а рядом, на клавише «Enter», лежала ладонь Джерри, дёрнувшаяся, когда по радио крикнули «ВСЕ СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ». Джерри вздрогнул. Кружка опрокинулась. Кофе растёкся по клавиатуре поста охраны, проник внутрь, замкнул четыре контура одновременно и запустил протокол «Полная изоляция объекта» — противоугонный режим, разработанный для того, чтобы грабители не могли вынести витрины.

Турникеты на главном входе защёлкнулись. Четыре боковых выхода закрылись автоматическими ставнями. Шлагбаумы на парковке опустились. Экраны навигации погасли. По периметру опустились пожарные роллеты из армированной стали.

Двадцать семь секунд спустя из вентиляции служебного коридора вышли восемь гоблинов.

Протокол «Полная изоляция объекта» не предусматривал отключения изнутри. Кнопка была у Джерри, и она была залита кофе.

Самое смешное, если в этой истории вообще допустимо такое слово, состояло в том, что гоблины были последним, чего стоило бояться в эту секунду. Потому что восемь гоблинов, вышедших из коридора, не собирались никого есть. Они шли по коридору, как рабочие по цеху, деловито, хро-

мая, озираясь на потолок. Первый из них остановился у автоматической двери, приложил ухо к щели, послушал гудение — и зашипел на неё.

И тогда они начали вскрывать двери. Они грызли зубами по стали, по электронике, по замкам.

Криков в этот вечер ещё не было. Был скрежет. Много скрежета. И через двадцать минут «Нортгейт Молл» перестал быть торговым центром, а две тысячи человек перестали быть покупателями и стали заложниками в пространстве, наполненном музыкой, которая не собиралась замолкать до полуночи.

Гоблины поднимались к атриуму. Люди отступали от витрин. Бас продолжал бить по нотам диджейского сета Сэма, который стоял на крыше, в наушниках, ничего не знал и считал вечер лучшим в своей карьере: толпа, отклик, рождественское настроение.

Внизу, под всем этим, в пещере, светились ещё тысячи глаз — и одна из тысяч фигур поднимала лапу, указывая остальным направление. Вверх.

Мир шумел много лет, но этой ночью он наконец получил ответ.

Глава вторая. ПРОБУЖДЕНИЕ

Хаос начался с тишины. Люди сначала не поняли. Существа, ползущие из вентиляций, выглядели слишком абсурдно: зелёные, с ушами, как у летучей мыши, хромающие, морщинистые. Кто-то решил, что запустили аниматроников

к премьере какого-то фильма. Кто-то достал телефон. Первые тридцать секунд «Нортгейт Молл» снимал гоблинов на видео — и это последнее, что всеобщее веселье успело зафиксировать: сигнал внутри здания отключился на третьей минуте, потому что замкнутый кофе-контур рванул сегмент связи вместе с вай-фаем и внутренним радио. Двести смартфонов в зале превратились в две сотни бесполезных кирпичей с фонариками. Из всего, что умеет телефон, людям на ближайшие два часа понадобится только он.

Понимание пришло, когда первый гоблин укусил отца семейства, который протянул руку, чтобы его погладить. Человек инстинктивно сунул под морду ладонь, словно собаке, и гоблин со злостью вцепился в неё.

Крик раздался по «Нортгейту» волной, которая подняла людей с лавочек, из очередей, из «Фуд-корта» — и швырнула их по этажам, кто куда. Первые семь минут «Нортгейт Молл» жил по законам стада: люди бежали туда, где меньше кричат, а меньше кричат, как правило, там, откуда пришёл крик. Так стая антилоп бежит навстречу панике, потому что сзади, кажется, безопаснее. К четверть седьмого стадо распалось на две тысячи отдельных историй, и о каждой из них стоит рассказать отдельно — потому что из двух тысяч именно эти шесть-семь решат всё.

Но сначала — интерлюдия. Потому что у этой истории есть две стороны, и вторую сторону в новостях покажут неправильно.

Интерлюдия первая. Три глубины

В пещере было тепло: тридцать градусов, восемьдесят процентов влажности, запах известняка и плесени, который гоблины сохраняли из уважения к традиции.

Вожак Ург сидел на камне в центре пещеры и слушал. Через известняк, глину, фундамент, бетонный пол торгового центра — к нему шёл ритм, четыре удара в секунду, тридцать герц, и тело вожака отзывалось на каждый удар дрожью, которую он не мог подавить.

Он поднял лапу — и пещера замолчала. Тысячи тел, сидевших на известняковых выступах смотрели на вожака. Ург смотрел вверх. Звук не заканчивался.

Вожак не знал слов «диджей», «сэт», «рождественский концерт». Он знал другое: шум всегда отступал перед сном, потому что сон был сильнее, а камень — бесконечен. Но этот звук не отступал девяносто минут. Это было не соседство. Это была война.

Он царапнул стену. Один знак. Потом второй, третий. Знаки складывались в историю, которую потомки запомнят надолго: Мы спали. Нас разбудили. Мы идём заглушить звон.

Потом он опустил лапу — и гоблины двинулись вверх.

Первый этаж. Осада

Первый этаж «Нортгейта» к семи часам вечера напоминал пчелиный улей, который вскрыли ломом. Люди не ушли, потому что двери были заперты, и это было хуже всего.

Дважды толпы набрасывались на турникеты главного вхо-

да, но те не поддавались. Дважды толпы били в пожарные роллеты, но и они оказались непробиваемыми. Кто-то кричал, что на парковке шлагбаумы, кто-то — что есть выход через ресторан на улице, но ресторан «Ла Пьяцца» сообщался с улицей через стеклянную стену класса «противовзлом», которую владелец устанавливал, потому что ночью через обычное стекло влезают бомжи, а через противовзломное не влезают даже гоблины, что вечером выяснится с обеих сторон.

В центре первого этажа, у фонтана, образовалось то, что позже комиссия назовёт «узлом Ника». Дед Мороз Ник Брэдфорд не убежал. Не потому, что был храбрее других — Ник был обычным, сорокашестилетним, с больной спиной и зарплатой ниже, чем у продавцов мороженого. Он не убежал, потому что девять сезонов в костюме Санты приучили его к простой истине: дети смотрят на тебя, даже когда мир рушится. У фонтана, за его троном, сидело одиннадцать детей. Мамы бегали, папы звонили в неработающие телефоны, а дети сидели и смотрели на Санту. И Санта не мог встать. Это была не храбрость — это была роль, которую он девять лет репетировал и в которую верил больше, чем в собственное резюме.

Первый гоблин подошёл к трону через четыре минуты после начала. Ник встал — и тут случилось то, что потом войдёт в семейные архивы штата Орегон как «крик Санты». Ник вытащил из-под трона пластмассовый светящийся меч — реквизит, детская игрушка из набора «Идеальное Рожде-

ство», синий светодиод, батарейки по цене половины меча, — включил его и заорал так, как не орал даже на прослушиваниях в Лос-Анджелесе, куда он съездил в две тысячи девятом, чтобы вернуться с отказом и с подбородком, на который потом наложили четыре шва:

— ПРОЧЬ ИЗ МОЕГО КОРОЛЕВСТВА!

Гоблин отшатнулся. Не от крика. От света. Синий светодиод бил по глазам, которые много лет жили в темноте, как прожектор по сове днём. Существо зашипело — звук был как скрип несмазанных петель, — прикрыло морду лапой и отступило в тень под эскалатором.

— Так-так-так, — сказал Ник, размахивая мечом. — Что это у нас тут, друзья?

— Они боятся света, — сказал голос сбоку. Он принадлежал Кайлу Пембертону, спустившемуся с третьего этажа по неработающему эскалатору, отчего тот казался шуткой архитектора. Кайл тащил рюкзак, набитый фонариками. — Они не выносят света. Я проверил. У меня был тестер-фонарик. Они бежали так, что пятки сверкали, как от газа.

— От газа они бы пошли быстрее, — сказал Ник. — Они от света просто цыкают.

— Значит, свет хуже газа. Логика, — сказал Кайл, уже знавший, что если что-то работает против монстров, то работает не так, как в кино, а как в жизни: наполовину и со скрипом.

Мэгги Стерн в это время разворачивала импровизирован-

ный медпункт за стойкой аптеки «Здоровье и красота». К ней стянулось двенадцать пострадавших за первые полчаса: прокушенные кисти, содранные ладони, один перелом от падения с эскалатора, две истерики, один обморок и один мужчина средних лет, который заикался так, что Мэгги не могла понять, что он пытается сказать, пока не поняла: он пытался сказать «моя жена наверху». Мэгги записывала имена. Ещё в армии она завела привычку, которую потом перенесла в гражданскую жизнь и которая, как выяснится к утру, спасёт одиннадцать человек, потому что по списку Мэгги спасатели будут искать людей поимённо, а не по количеству.

— Вас как зовут? — спрашивала она у каждого.

— Роберт, — отвечали ей.

— Роберт, у вас шок. Пейте воду. Не разговаривайте с другими шокированными. Шок передаётся быстрее ветрянки.

Третий этаж «Нортгейта» к семи тридцати представлял собой полосу фронта. Гоблины на третьем этаже не охотились — они демонтировали. С витрин электроники срывали динамики. Из «Кинотеатра Одеон» вынесли колонки из четырёх залов и складировали их в коридоре — как будто хотели потом устроить из них трибуну. Кассиры прятались в подсобках. Кайл, спускаясь, заглянул в «Электромир» — и увидел, как три гоблина сосредоточенно разбирают витрину домашних кинотеатров.

— Они не грабят, — сказал Кайл, когда спустился к Нику.

— Они уничтожают всё, что звучит. Это как… как если бы кто-то пришёл в твой дом и сломал все будильники.

— Я бы не стал такому радоваться, — сказал Ник. — Будильники для меня — это святое.

Второй этаж, «Макияжный рай», «Книжный дом» и детская, к восьми вечера стал «серой зоной» — коридором, где гоблины патрулировали, но не охотились. Люди, догадавшиеся залечь за колоннами, могли проползти через второй этаж с шансом процентов семьдесят. Женщина в шубе, та самая, что утром спорила из-за помады, проползла весь второй этаж, не поднимая головы, и достигла аптеки Мэгги. У неё в сумке было девять помад. Мэгги не задавала вопросов. Не время.

Дейл Партридж, профессор фольклора, в это время сидел в «Книжном доме» за стеллажом «Мифология. Восток» и писал на обороте каталога игрушек свои наблюдения — привычка сорокалетней давности, привитая ему наставником, который говорил: «Записывай, Дейл. Память врёт, бумага — нет». Записи Дейла:

7.20. Существа идут к колонке, не к людям. Не едят. Не грабят. Ломают звук. Это важно.

7.35. Существа боятся света, но не боятся людей. Это значит, что они не считают нас врагом. Скорее препятствием.

7.40. Один наклонил голову, слушая мой вскрик. Звук получился случайно. Они отреагировали, как на укус. Высокие частоты им противны. Видимо, звук привел их сюда.

7.55. Они не звери. Эти существа в ярости. Вопрос — из-за чего?

Тина Рейес, продавщица посуды, в это время делала то, что делала всю жизнь, — выживала интуицией. Тина не имела ни военного прошлого, ни медицинской практики, ни академических степеней. У неё было два мясницких ножа из собственного отдела и чутьё бруклинской девчонки, выросшей на улице, где научили главному: случилась беда — держись рядом с тем, кто знает, что делать. Тина держалась рядом с Мэгги. Она принесла в комнату воду, перевязочные материалы, зажимы, марлю — и молчала большую часть времени, что было её лучшим вкладом.

Кэролайн Хейворд и её дочь Лили в это время прятались в «серой» зоне между «Книжным домом» и детской площадкой. Лили держала уже остывший стакан с какао и смотрела на гоблинов через щель между стеллажами с восторгом, который Кэролайн не могла объяснить ни себе, ни психологам, к которым впоследствии обратятся.

— Они как в мультике, — сказала Лили. — Только злые. Смотри, вон тот потерял зуб. Он наверное старый.

— Лили, тише.

— Он потерял зуб! Вон он лежит! Можно я возьму?

— Лили, нет. Это опасно.

— Он не опасный. Он грустный.

Кэролайн не ответила. Потому что гоблин, от которого они прятались, действительно выглядел грустным. Старый,

кожа цвета мха, глаза не светились, они были похожи на две старые лампочки, и он хромал сильнее остальных. Он остановился у стены и приложил ухо к бетону. Потом зашипел — тихо, сквозь зубы, — и Кэролайн вдруг поняла, что он слушает бас. В его взгляде читалась тоска.

К девяти вечера «Нортгейт Молл» раскололся на зоны окончательно. Первая — «зелёная»: банковский атриум, книжный, аптека. Туда гоблины почти не заходили: тихо, темно, и люди научились не шуметь. Вторая — «серая»: коридоры, где твари патрулировали. Третья — «красная»: всё, что шумело.

В это время на крыше «Нортгейта» диджей Сэм играл свой сет по расписанию. Наушники он не снимал и не слышал ничего — потому что наушники «Клангвёрт Про» изолировали внешнее на минус сорок децибел. Диджей был счастлив. Он играл лучший сет своей жизни. Толпа внизу, по его данным, отзывалась на каждый трек. Он не знал, что толпа внизу отзывается криками потому, что на четвёртом этаже сожгли экран кинотеатра, а у фонтана Дед Мороз с пластмассовым мечом держит оборону. Как не знал, что в аптеке фармацевт с армейским прошлым ведёт списки раненых и на третьем этаже гоблины устроили разборку, в которой погибли трое. Сэм играл. Бас шёл вниз — сквозь шесть этажей, сквозь бетон и известняк, прямо в пещеры, где тысячи существ молча смотрели вверх и ждали, когда их вожак скажет, что делать.

Вожак молча царапнул ещё знак на стене.

Мы терпели. Хватит.

И пещера зашумела. Десятки гоблинов двинулись вверх, к колонке, к людям, которые устроили этот шум. Они знали, что у колонки должна быть охрана. И если они не могли дотянуться до источника звука, они дотянутся до того, кто может.

Гоблины не умели отличать использование от сотрудничества. В этом была главная ошибка их цивилизации. Они не умели звать на помощь. Эти существа привыкли решать проблему схватив оппонента за горло.

Интерлюдия вторая. Директор

Роджер Хиггинс, директор «Нортгейт Молл», в это время был дома. Он уехал в семь вечера, потому что у него была встреча с бухгалтером, которая переросла в ужин, потому что она была разведена, а директор был свободен, и вечер обещал быть приятным. Хиггинс оставил «Нортгейт» на заместителя, а тот, в свою очередь, — на старшего охранника, который за пять минут до «Пилара» ушёл на парковку покурить, и ответственность за две тысячи человек зависла в воздухе — как шар, который держится сам, потому что никому не пришло в голову его взять.

Роджер узнал о происходящем в восемь сорок — по звонку заместителя, который кричал так, что Хиггинс извинился перед бухгалтером и вышел из ресторана. Он стоял на парковке ресторана и смотрел в сторону «Нортгейта». Оттуда

доносился бас. В этот момент директор с двадцатилетним стажем, человек, который пережил две рецессии, одну эпидемию и одну инспекцию из Федеральной торговой комиссии, сделал то, что делают все директора в критический момент.

Он позвонил своему юристу.

Тот сказал: «Роджер, не бойся. Что бы ни случилось, это не твоя вина. Это всегда чья-то вина, но не твоя». Юрист был дорогим, поэтому Роджер успокоился.

Потом Хиггинс позвонил в «Клангвёрт». Дежурный ответил на четвёртый гудок, выслушал и сказал: «Мы вызовем специалиста». Нужный человек был в Дюссельдорфе. Город спал. Когда проснётся утром — поедет в аэропорт, и к тому времени, когда он приземлится в США, все гоблины в «Нортгейте» уже разбредутся, а сам он найдёт в дневниках комиссии строчку, которую потом будет цитировать на конференциях по акустике до конца карьеры: «Акустический излучатель мощностью двадцать тысяч ватт с нижней границей диапазона двадцать герц, установленный над геологической полостью с необнаруженными обитателями, является примером классического инженерного упущения, при котором расчёт корректен, а расчётчик — нет».

А внизу, под «Нортгейтом», в пещерах, тысячи глаз продолжали смотреть вверх. И среди них лишь глаза вожака были закрыты. Ург не смотрел, он слушал бас, который не прекращался. Слушал и ждал, когда «человеки» наверху сооб-

разят, что нужно сделать.

Люди, между прочим, сообразили.

Первым понял Дейл Партридж. В девять сорок он выписал на обороте каталога последнюю запись вечера:

9.40. Они хотят, чтобы мы её выключили. Сами не могут — крыша, свет, высота. Они вытесняют нас к колонке. Они не охотятся. Они принуждают. Мы — инструмент. Вопрос — поймут ли остальные?

И записал ниже, одной строкой:

Если нет…

Потом Дейл встал, собрал каталог, закрыл, посмотрел на стеллаж «Мифология. Восток», где стояла книга, которую он купил внучке, «Мифы Междуречья», — и пошёл искать Мэгги.

Он нашёл её в аптеке за стойкой. Профессор сел напротив, положил каталог на стойку и сказал:

— Мне нужен ваш светящийся меч, святой Николай.

Ник, проходивший мимо, обернулся и изумленно заморгал.

— Мне не нужен твой меч, — сказал Дейл. — Мне нужен ты. И ещё та женщина с ножами. И мальчишка с рюкзаком. Нужна группа, которая поднимется на крышу и вырубит эту машину. Потому что она не замолчит сама. Эти существа не понимают что делать. Нам надо вырубить эту чертову колонку, пока не поздно.

— Откуда вы знаете? — спросила Мэгги.

— Я не знаю, — сказал профессор. — Я предполагаю. Но мои теории сорок лет издавались под обложкой «Наука». И они до сих пор не опровергнуты.

Ник посмотрел на меч. Кайл — на рюкзак. Тина — на ножи. Мэгги — на Дейла.

— Когда? — спросила она.

— Сейчас, — сказал профессор. — Пока они не поняли, что мы медлим.

— Пока они не поняли, что мы боимся, — поправил Кайл. — Они знают, что мы в ужасе. Это очевидно. Гоблины не боятся. И в этом их ошибка. Они не боятся нас потому, что не понимают, что такое страх. Мы боимся. И поэтому мы осторожнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.